

Л. В. Парохонько

Бельцы (Молдова), БГУ имени А. Руссо

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТАВТОЛОГИИ
В ОРИГИНАЛЬНОМ И ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСАХ
(на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»)

Данная статья посвящена изучению тавтологии в контрастивном аспекте (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр»). Эмфатизируется важность перевеса фигуры автора оригинального произведения в соотношении с языковой личностью переводчика. Рассматриваются переводческие техники, ведущие к переиначиванию монолитности функции эстетического воздействия оригинала на читателя-акцептора и интенции автора исходного текста.

Процесс глобализации убедительно свидетельствует о том, что существует необходимость формирования культурной целостности мира, сопровождающейся диалогом культур. Подобное взаимодействие, «сотрудничество» картин мира создается идеей межкультурной толерантности, адекватной перцепцией культурных дифференциальных признаков, а также взаимопониманием между их информантами. С данным положением соотносится вопрос адекватного перевода, который состоит в создании правильной межкультурной коммуникации, не трансформирующей такие концептуальные структуры, как ментальную и культурную.

Таким образом, переводчик является посредником, своего рода «парламентером», настраивающим связь между чужим языком и его реципиентом; помогающим ему усвоить новый мир и его культуру. Это значит, что недопустимо равенство между переводчиком и автором оригинального произведения. Однако, зачастую злоупотребляя тем, что перевод – это творческая интеллектуальная деятельность, переводчик, в силу действия интерференции, создает «абсолютно новый» структурно-семантический эквивалент оригинала.

Именно этим обстоятельством объясняется *актуальность* нашего исследования. Мы продемонстрируем важность соблюдения золотого правила перевода – переводчика должно быть меньше автора.

Данным положением мотивирована и *цель* работы: создать вербальное портретирование, обнаружить проявление переводчика как языковой личности, использующей языковое посредничество для манипуляции сознанием акцептора. Источником идентификации личности переводчика в переводном дискурсе служит тавтология из-за своей близости к концепту, объекту изучения когнитивной лингвистики, следовательно, и антропоцентризму.

Как уже ранее было отмечено, перевод представляет собой творческую интеллектуальную деятельность, которая заключается в передаче некоторой информации с языка-источника (ИЯ) на язык перевода (ПЯ). В процессе передачи информации с ИЯ на ПЯ основную функцию – функцию перевода – осуществляет переводчик как личность, владеющая обеими языковыми системами, необходимыми для реализации межкультурной коммуникации. При этом важно подчеркнуть, что переводчик должен запомнить информацию, полученную из содержания оригинального произведения, а также очень точно понять ее смысл с тем, чтобы дословно передать коммуникативное намерение автора на ПЯ. Особенно понимая, что текст – это целостное сверхфразовое единство, характеризуемое общностью идейно-тематического содержания или общностью темы и интенций автора.

Таким образом, переводчик становится единомышленником автора, но не демиургом произведения [1, с. 7]. Именно об этом нужно помнить при анализе адекватности переводного текста.

Но иногда культурный код мешает переводчику реализовать это. Примером является тавтология, представляющая собой семантико-прагматическое явление, так как в данных экспликационных сочетаниях референтная соотнесенность устанавливается не с конкретным объектом реальной действительности, а с мысленным денотатом [2, л. 12]. Это значит, что не всегда возможно найти семантическое равновесие между ИЯ и ПЯ. Поэтому А. Вержбицкая и говорит о том, что «универсальных прагматических принципов трактовки тавтологии

существовать не может, т.к. в различных языках она обладает уникальными семантическими, синтаксическими и прагматическими особенностями» [3, с. 110]. Однако несмотря на вышеизложенный факт, переводчик должен постараться подобрать максимально точный эквивалент с минимальным количеством лексических и смысловых погрешностей. В этом и заключается его творчество и профессионализм.

Итак, для проведения сопоставительного анализа при переводе на русский язык романа Ш. Бронте с одноименным названием, который выполнил И. И. Введенский, был взят образ главной героини романа Джейн Эйр, представляющей собой нового героя, или героя нового времени (рушится старая система жестко фиксированных викторианских социальных, моральных, нравственных отношений; женщина воспринимается как личность, ничем не отличающаяся от личности мужчины).

Рассмотри следующие примеры. Так, в дескрипции Джона Рида упущены два важных элемента – *murderer* ‘убийца’ и *slave-driver* ‘тиран’.

Оригинал	Перевод
<i>Wicked and cruel boy!» I said. «You are like a murderer – you are like a slave-driver – you are like the Roman emperors!»</i> [4, p. 16].	– Жестокий, безжалостный злодей! – вскричала я – ты хуже Нерона, Калигулы, Тиберия! [5, т. 64, с. 179].

Пропуск данных лексем является нежелательным, так как они наиболее полно подчеркивают жестокость римских императоров, с которыми Джейн сравнивает Джона, а значит, выделяет и в нем эту черту. Более того, определения *murderer* ‘убийца’ и *slave-driver* ‘тиран’ являются ключевыми, так как они эксплицируют причину сопротивления героини в романе «Джейн Эйр». Это изменение в некоторой степени преобразовало интенцию автора.

Кроме этого, «уничтожив» тавтологическую сравнительную конструкцию оригинала *You are like*, которая является стилистически маркированной единицей, выполняющей функцию экспрессии (интенсификации) содержания оригинального текста, не сохраняется в ПЯ категоричность героини в описании сходства Джона Рида с Нероном, Калигулой [6, с. 38].

Обратимся к описанию нравственного выбора героини.

Оригинал	Перевод
<i>I feel now that I was right when I adhered to principle and law, and scorned and crushed the insane promptings of a frenzied moment. God directed me to a correct choice: I thank His providence for the guidance!</i> [4, p. 457–458].	<i>Читательница, ты можешь думать, что тебе угодно; но я благодарю судьбу, внушившую мне следовать предписаниям чести, общественных постановлений и нравственного долга. Сам Бог навел меня на истинный путь!</i> [5, т. 66, с. 233].

Как видим, И. И. Введенский убрал две английские предикативные единицы *I feel now that I was right* (букв. ‘Я понимаю теперь, что я была права’) и тем самым не отразил независимость героини и ее выбор, сделанный в оригинале: *I feel now that I was right when I adhered to principle and law...* (букв. ‘Я понимаю теперь, что я была права, когда я выбрала придерживаться морали и поступать правильно в соответствии с общественной нормой’). Как результат, не сохрани-

лась интенсификация продублированного личного местоимения первого лица *I*, что не совсем верно, так как «стирается» акцент на Джейн как самостоятельного субъекта, совершающего действия рационально.

Кроме этого, переводчик опустил третью английскую предикативную единицу ... *and scorned and crushed the insane promptings of a frenzied moment* (букв. '...и когда я возненавидела и подавила безрассудные желания в сумасшедший момент своей жизни'). Полагаем, что данные опущения не совсем справедливы, так как переводчик лишает Джейн самостоятельности в осознании действительного положения вещей и принятии решения. Это, в свою очередь, не раскрывает полностью независимость Джейн по сравнению с романом Ш. Бронте [6, с. 41–42].

Передавая переживания протагониста по поводу того, что он, возможно, своим внешним видом разочаровал Бесси, так как не увидел на ее лице восхищения, И. Введенский опустил первую предикативную единицу *No, Miss Jane, not exactly* (букв. 'Нет, мисс Джейн, не совсем') и четвертую *and it is as much as ever I expected of you* (букв. '...и это даже больше, чем я могла от Вас ожидать').

Оригинал	Перевод
<i>No, Miss Jane, not exactly: you are genteel enough; you look like a lady, and it is as much as ever I expected of you: you were no beauty as a child</i> [4, p. 101].	– Да вы совсем-недурны, мисс Джесси; могу даже сказать вы очень-миловидны и смотрите, как знатная дама. Ну, разумеется, красавицей вам нельзя быть: вы и девочкой были не очень-красивы [5, т. 64, с. 249].

Таким образом, происходит десемантизация реитерации (повтора) двойного отрицания *No, Miss Jane, not exactly*, которая в оригинале актуализировала адъективное значение – квалитатив: 'Джейн выглядела действительно хорошо'.

Данное изменение является не совсем оправданным, так как не передается одобрение Бесси, ее восторг от того, какой стала Джейн. На это указывает союзное слово *as much as/больше чем*. Следовательно, в этом отрывке оригинала отмечается красота героини, особенно если сравнить с тем, какой она была в детстве. Так, формируется мелиоративная коннотация. В переводе, наоборот, подчеркивается то, что Джейн не может стать красавицей, потому что и в детстве она не была красивым ребенком. Здесь прослеживается категоричность, образованная посредством двойного отрицания *красавицей вам нельзя быть и девочкой были не очень-красивы*, а также вводного слова *разумеется*. Так, семантическая эмотивность, существующая в оригинале, уступает место некой констатации факта в переводе [6, с. 46]. Таким образом, в переводном дискурсе явно прослеживается точка зрения переводчика, совпадающая с мнением о женской внешности, которое бытовало в середине XIX века: красота имела огромное значение и была единственным требованием, которое предъявляли женскому полу [7, с. 180].

Передавая разговор Джейн и Рочестера о том, что она богата, так как получила пять тысяч фунтов от дяди, который умер на Мадейре, И. Введенский опускает определение *as well as rich* (букв. 'а также богата'):

Оригинал	Перевод
<i>I told you I am independent, sir, as well as rich: I am my own mistress</i> (букв. 'Я сказала Вам, сэр, что я независима, а также богата: я хозяйка своей собственной судьбы') [4].	<i>Вы уже знаете, сэр, что я независима: это значит, что я могу располагать собою, как мне вздумается</i> [5, т. 66 с. 313].

Полагаем, что данный пропуск не совсем оправдан, так как из-за него по сравнению с оригиналом несколько нивелируется свобода Джейн: там существует градация – Джейн не только независима как человек, но и богата. Это значит, что она свободна от приказов тех, кто выше ее по социальному статусу, и от мнения окружающих в целом [6, с. 47].

Кроме этого, заменив подлежащее – личное местоимение первого лица – *I (I told you)* на личное местоимение второго лица *Вы (Вы уже знаете)*, И. Введенский не передает троекратную редупликацию *I*, которая в оригинале выполняла идентифицирующую и одновременно констатирующую функцию, подчеркивая власть субъекта. Данная морфологическая трансформация считается не полностью адекватной, так как несколько «затемняется» позиция героини как хозяйка своего слова, жизни.

Таким образом, опуская важные моменты в романе, эксплицирующие независимость главной героини Джейн, тем самым упрощая текст, освобождая его от тавтологических конструкций (*No, Miss Jane, not exactly: you are genteel enough...* и – *Да вы совсем-недурны, мисс Джесси; I told you I am independent...* и *Вы уже знаете, сэр, что я независима* и т.д.), которые в оригинальном произведении выполняли коннотативную функцию (эмоционально-оценочную), фиксирующую взгляд иноязычного читателя на рефлексии, самостоятельности, самодостаточности, серьезности и важности Джейн Эйр как личности, равной мужчине, И. И. Введенский качественно меняет исходный текст. В тексте перевода главная героиня представляется более зависимой, чем в оригинале. Это обстоятельство позволяет нам говорить об антропоцентризме в лингвистике: обнаруживаются «следы» языковой личности, которая является национально-культурным прототипом носителя определенного языка. Так, И. Введенский выступает как соавтор, абсолютно трансформирующий и потому создающий новый семантический пласт коммуникативной интенции романа Ш. Бронте «Джейн Эйр».

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студ. лингвист. ф-тов высш. учеб. заведений / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – М. : Академия, 2005. – 304 с.
2. Крапотина, Т. Г. Фразеологизация синтаксических связей в устойчивых сочетаниях тавтологического типа : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Г. Крапотина. – М, 1996. – 220 л.
3. Wierzbicka, A. Boys will be boys: «Radical semantic» vs. «Radical pragmatics» / A. Wierzbicka // Language. – 1987. – № 1. – P. 95–114.
4. Bronte, Ch. Jane Eyre. – London ; N. Y. ; Toronto : Oxford Univ. Press, 1848. – P. 576.
5. Введенский, И. И. Джесси Эйр : роман // Отечественные записки. – СПб. : И. Глазунова и Комп, 1849.
6. Парахонько, Л. В. Особенности перевода англоязычной литературы на русский язык в период «нового времени» (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр») : ВПК на соискание степени магистра лингвистики / Л. В. Парахонько. – СПб, 2017. – 89 с.
7. Сыскина, А. А. Переводы XIX века романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте: передача характера и взглядов героини в переводе 1849 года Иринарха Введенского / А. А. Сыскина // Вестн. ТГПУ. – 2012. – № 12. – С. 177–182.

The given article is devoted to the study of tautology in contrastive analysis (based on the novel by Ch. Bronte «Jane Eyre»). The importance of the superiority of the figure of the author of the original text in relation to the linguistic personality of the translator is emphasized. Translation techniques that lead to a modification of a monolithic function of the aesthetic impact of the original on the reader-acceptor and the author's intention of the source are analyzed.